

Европейская социал-демократия в поисках новой идентичности

Взгляд из России

Борис Орлов

Об авторе: Борис Сергеевич Орлов – главный научный сотрудник ИНИОН РАН, специалист по европейской социал-демократии. С 1989 года участвовал в социал-демократическом движении в России, в настоящее время состоит в Политсовете СДПР.

В ходе мирового экономического и финансового кризиса, помимо прочего, разрешался спор между двумя основными подходами – неолибералов, сторонников разрешения проблем сугубо рыночными методами и социал-демократов, исходящих из необходимости государственного регулирования рыночными процессами. Спор решился в пользу социал-демократов: государству пришлось спасти тонущую экономику и в главной цитадели неолиберализма – в Соединенных Штатах, и в странах Европы, где неолиберальные подходы перемежаются с государственным регулированием.

Казалось бы, в тяжелые минуты подтвердилась правота социал-демократов: «Мы же говорили, чем кончатся все эти неолиберальные игры!» И отсюда вероятная растущая поддержка населением тех, кто предвидел возможные последствия нагрянувшего кризиса. Но не тут-то было. Те, кто еще вчера размахивал неолиберальными знаменами, ринулись к рычагам государственного регулирования, как бы не замечая, что заимствуют методы у своих оппонентов, и даже не извиняясь перед ними. И все это при поддержке значительной части населения.

Особенно наглядно это проявилось в Германии, где после выборов в Бундестаг в 2005 г. была создана Большая коалиция христианских демократов и социал-демократов. Все четыре года до следующих выборов в 2009 г. коалиция проводила, особенно в период кризиса, фактически социал-демократическую политику. При этом в руках социал-демократов был «кошелек» (министерство финансов), портфель министра иностранных дел, ряд других министерских постов.

В пользу социал-демократов был и личностный фактор. В предвыборной дуэли Ангелы Меркель и Франца Вальтера Штайнмайера симпатии телезрителей были на стороне кандидата в канцлеры от социал-демократов.

Но вот наступил месяц выборов – сентябрь. «Черный сентябрь» для социал-демократов, ибо СДПГ собрала на них самое меньшее за всю свою послевоенную историю число голосов избирателей – 23%.

Однако горечь поражения испытали не только германские социал-демократы. На выборах в Европейский парламент 4 июля 2009 г. партии правой ориентации значительно опередили левых во многих странах ЕС. Особенно пострадали английские лейбористы. Они получили

всего 15,3% – «ниже самых мрачных прогнозов пессимистов», как заметила в своей статье Е.В. Ананьева¹. А ведь именно в период их нахождения у власти – 11 лет – Великобритания успешно развивалась в экономическом отношении.

В чем тут дело? У каждой из партий социал-демократического толка свои причины. Последние годы СДПГ, например, сотрясают внутрипартийные кризисы. За короткий период сменилось 6 председателей партии. Более того, один из председателей партии Оскар Лафонтен покинул свой пост и создал собственную партию, назвав её *Левой*, которая на выборах в Бундестаг в 2009 г., прошла в парламент, преодолев 5% барьер, в основном за счет бывших избирателей СДПГ.

Своеобразная ситуация в Лейбористской партии Великобритании. После 18 лет нахождения в оппозиции, преодолев господствовавший у значительной части населения «тэтчеристский» настрой, лейбористов привел к власти гибкий и дальновидный политик Тони Блэр. Проводимая его правительством политика стабилизировала экономическое положение страны. Великобритания повернулась лицом к Европе. Казалось бы, радоваться членам партии, что у неё такой опытный лидер. Но нет, со временем стали раздаваться голоса, что, мол, засиделся Тони в своем партийном кресле. Слишком подыгрывает американцам. Возникли трения и с заместителем Брауном. В результате Блэр ушел с поста председателя партии. А теперь вот раздаются голоса недовольства в адрес сменившего его Брауна.

Но внутрипартийные проблемы – лишь надводная часть айсберга, именуемого социал-демократическим движением. Его значение, его вес, его влияние, его авторитет зависят от того, как оно представляет себе общественный процесс, чьи интересы отражает, каким видит будущее общества как такового, какие способы предлагает для решения возникающих проблем? Иными словами, каков образ современной социал-демократии в восприятии общества.

Трудности с определением идентичности возникли с самого начала становления социал-демократического движения. Объединяющим было стремление к установлению социальной справедливости. Различным было не всегда совпадающее понимание сущности этого требования – нравственное и социальное. Между ними не было четкого разделения, особенно в период значительного влияния Марксова учения, которое раскрывало сущность капитализма, основанного на эксплуатации наемных работников путем присвоения их живого труда в виде прибавочной стоимости. Самым эффективным способом достижения социальной справедливости представлялось устранение капитализма и создание нового общественного строя – социализма, предусматривающего принципиально новые и, следовательно, нравственно обоснованные производственные отношения на базе обобществленных средств производства и отмены частной собственности. Тем более что, согласно учению Маркса, социализм с исторической неизбежностью приходит на смену капитализма. Отсюда социализм как цель социал-демократического движения. Отсюда и название многих партий растущего социал-демократического движения в Европе – социалистические.

Однако в самой Германии, где в основном разрабатывалась теоретическая платформа социал-демократического движения, не все и не сразу согласились с выводами учения

¹ *Е.В. Ананьева*. Политический кризис после политического кризиса: Материалы конф. (Ин-т Европы РАН, 17 июня 2009 г.). В: Европа после кризиса. – М.: Ин-т Европы РАН. 2009. – С. 83.

Маркса. Известен спор между Лассалем, который стоял у истоков первой организации социал-демократов – Всегерманского рабочего союза (1863), и Марксом. Известно и послание, которое Маркс направил в адрес объединительного съезда в Готе в 1875 г., в котором он организаторов съезда отчитывал как мальчишек за неправильное прочтение его трудов, и нарисовал картину становления будущего коммунистического общества, состоящего из двух этапов – социалистического и непосредственно коммунистического. Это послание, получившее название «Критика Готской программы»², взяли на вооружение советские идеологи, начиная с Ленина, который после Июльского мятежа 1917 г. бежал на станцию «Разлив» и «на коленке» спешно набрасывал программу действий большевиков после их прихода к власти, списывая многие положения у Маркса (этот текст позднее получил название «Государство и революция»³).

Ну, а сами организаторы съезда в Готе в 1875? Как они отнеслись к посланию Маркса? Они повертели его в руках, прочитали... и решили не знакомить с его содержанием делегатов съезда. Оно так и пролежало в архивах, пока Энгельс не настоял на его публикации уже в 1891 г., то есть спустя полтора десятилетия.

Между тем, проблема раздвоенного отношения социал-демократов к своей идентичности нашла отражение и в программном документе СДПГ, состоявшемся в 1891 году в Эрфурте. Правда, в основной части этой программы (её составлял Каутский) был помещен отрывок из «Капитала» Маркса, в котором говорилось о неизбежности краха капиталистического строя, а вот во второй части, написанной Бернштейном, содержались требования конкретного характера в рамках существующего строя⁴.

Эрфуртскую программу 1891 г. высоко оценили большевики как «последовательно марксистскую». Но внимательный читатель, ознакомившись с программой в целом, мог справедливо задать вопрос, что делать социал-демократу – стремиться к уничтожению капитализма путем последовательной классовой борьбы или же действовать в рамках этого строя методом реформ.

А тут еще Бернштейн позволил себе высказывание, ставшее публичным: «Движение – все, конечная цель – ничто», а затем изложил свою точку зрения в серии статей в социал-демократическом журнале «Новое время», которые были затем изданы отдельной книгой под названием «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»⁵.

Что тут поднялось! Бернштейна прорабатывали на специально созванном съезде. Приклеили ему и кличку «ревизионист». Эта кличка потом гуляла и по советским пропагандистским изданиям. Хотя что тут плохого. «Ревизионист» в переводе на русский «Пересмотрщик». Бернштейн мог сослаться и на самого Маркса, который в анкете, составленной одной из его дочерей, на вопрос «Ваш жизненный принцип?» ответил: «Все подвергать сомнению».

Но что значит иная партийная культура. Бернштейна за его ревизионистские грехи не расстреляли, не повесили, не сослали (хотя куда сослать в Германии. Сибири у них нет).

² К. Маркс. Критика Готской программы. – М.: Партийное издательство. 1932. – 114 с.

³ В.И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч. т. 33.

⁴ Programme der deutschen Sozialdemokratie / Mit einem Vorwort von Willy Brandt. – Bonn, Fridrich-Ebert-Stiftung, 1978. – 177 S.

⁵ Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. – 1. Aufl. – 1899; Reimpr. Bonn; Bad Godesberg, 1973.

Более того, он продолжал участвовать в составлении программных документов и даже был избран от СДПГ депутатом в законодательные органы... Но самое существенное, он принимал участие в составлении новой программы СДПГ в 1921 г., когда партия уже три года находилась у власти, а её представитель Фридрих Эберт был избран первым президентом республики. В программе, принятой на съезде в Гёрлице⁶, социализм уже рассматривался и как политическая, и как нравственная задача. Фактически это было началом нового видения социализма как общества, в котором реализуются основные ценности – свобода, справедливость, солидарность. В этом же ключе стали разрабатываться теоретические основы «этического социализма». Теоретические разработки итальянского антифашиста Карло Россели положили начало концепции «либерального социализма»⁷, которую позднее развивал итальянский теоретик Норберто Боббио⁸.

Но еще до Гёрлицкой программы произошло событие, которое существенным образом повлияло на идентичность социал-демократии. Ноябрьская революция 1918 г. поставила социал-демократическую партию перед дилеммой – либо идти путем создания социалистической республики, к чему уже в первый день революции призвал Карл Либкнехт, или путем обычной демократической республики, о чем объявил в тот же день в рейхстаге Филипп Шейдеман. Большинство согласилось с Шейдеманом, а те, кто не согласился, пошли за Либкнехтом, который вместе с единомышленниками в группе «Спартак» создали Коммунистическую партию. Нечто похожее произошло и в других странах Европы. Так возникло европейское, а затем мировое коммунистическое движение.

С точки зрения социал-демократической идентичности это означало, что социал-демократы распростились с революционной риторикой. Отныне они намеревались двигаться в сторону социализма путем реформ, хотя при этом содержание реформ толковалось по-разному.

Наблюдая за социалистическим экспериментом в СССР, социал-демократы наглядно убедились в том, к чему ведет существование одной-единственной партии, и во что оборачивается обобществление. Отсюда их вывод: если социализм, то только демократический, с неременным соблюдением всех прав и свобод.

В этом социал-демократы еще более укрепились после пережитого в годы Второй мировой войны. Собравшись в 1951-ом году во Франкфурте-на-Майне, они учредили новую международную организацию, обозначив в названии её идеологическую направленность – Социалистический Интернационал. (В межвоенные годы одна такая организация носила название Рабочий Социалистический Интернационал, другая – 2-х с половинный Интернационал).

В принятом во Франкфурте программном документе «Цели и задачи демократического социализма»⁹ были подвергнуты резкой критике политические режимы в СССР и в нацистской Германии, и что, на наш взгляд, самое существенное – здесь на первый план были выдвинуты нравственное обоснование социализма в виде основных ценностей.

⁶ Programme der deutschen Sozialdemokratie. Ibid.

⁷ К. Россели. Либеральный социализм. – Roma. Monde Operaio, 1989.

⁸ См.: В.П. Любин. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. Науч. аналит. обзор. – М.: ИНИОН РАН, 1991. – 78 с.

⁹ Текст декларации помещен в сборнике «Programme der deutschen Sozialdemokratie». Ibid.

Среди них на первое место была поставлена ценность свободы. Казалось бы, сугубо либеральный принцип. Но социал-демократы тем самым показывали, что они не только признают либеральные свободы, но и расширяют их, реализуют в конкретной повседневной жизни и прежде всего в сфере производства. Это было и тогда, когда они протестовали против детского труда, и тогда, когда добивались расширения избирательных прав, равноправия между мужчинами и женщинами, прав рабочих коллективов на предприятиях, доступного среднего и высшего образования. Образно говоря, в истории Европы социал-демократы перехватили у либералов эстафету свободы и понесли её дальше через весь XX век.

Однако, провозглашая после Второй мировой войны основные ценности демократического социализма, социал-демократы еще не до конца определились в своем отношении к экономике. Можно ли себе представить социализм без обобществленных средств производства? Английские лейбористы вообще обошлись без каких-либо программ, но зато в своем уставе четвертым пунктом записали основное требование – обобществление. Их не смущал печальный опыт с обобществлением в Советском Союзе. В условиях демократии, полагали они, обобществление будет функционировать по-иному, на благо всего общества.

Ну, а как быть с рыночной экономикой? С частной собственностью? Как все это объяснить избирателю, чтобы заручиться его поддержкой на выборах? С этой проблемой столкнулись германские социал-демократы, которые, начиная с момента провозглашения Федеративной Республики (1949), уже два раза проигрывали на выборах в Бундестаг. Остаться в роли вечной оппозиции, объявляя себя последовательным приверженцем социализма в то время, когда в ФРГ от такого же социализма бежали восточные немцы?

С учетом этого, но также и других обстоятельств германские социал-демократы приняли в 1959 г. на съезде в Бад-Годесберге – курортном местечке под Бонном – свою первую послевоенную программу. В ней они признали реальности рыночной экономики, но также и обобществление «в тех случаях, когда это необходимо». В Годесберге социал-демократы прощаются с Марксом, – он даже не упомянут, и, наоборот, мысленно вспоминают «старика Бернштейна», записав, что социализм – это никогда не прекращающаяся задача пытаться претворять в жизнь в условиях демократии основные ценности – свободу, справедливость, солидарность. Одним словом, движение – все.

Этот идеологический поворот тяжело восприняли в партии. К «партийному бараку» СДПГ в Бонне подъезжали бывалые члены партии и бросали перед входом партийные книжки. Точно также тяжело восприняли этот поворот в других европейских партиях социал-демократического толка. «Путь Годесберга ведет в тупик» – таково было распространенное мнение. Социал-демократическая идентичность оказалась под большим вопросом.

Между тем, с годесбергской партийной книжкой в кармане социал-демократы вошли в 1966 г. в первую Большую коалицию с христианскими демократами, и их министр Карл Шиллер с помощью так называемой «концертированной акции» – читай, методом госрегулирования – помог устранить первые кризисные явления в экономике ФРГ. Для населения это было веским доказательством, что социал-демократам можно доверять управление государством, и спустя три года, в 1969 г., победив на выборах, социал-демократы уже возглавили правительство в коалиции с либералами. Правительство Брандта стало проводить «новую восточную политику», ту самую, которая сыграла определяющую роль в становлении европейской стабильности (немцы перестали быть

источником потенциальных угроз), и была одной из главных предпосылок интеграционных процессов, завершившихся созданием Европейского Союза.

Все это способствовало упрочению авторитета германской социал-демократии, и именно немцу Вилли Брандту доверили пост президента Социалистического Интернационала в 1976 году. В «брандтовский период» Социнтерна мировая общественность не раз убеждалась в том, что социал-демократы берут на себя ответственность за происходящее в мире, они озабочены проблемами современности и ищут на них адекватные ответы. Среди их инициатив – создание Комиссии Север-Юг, разработавший серию программ, связанных с проблематикой развивающихся стран, они же определили свое отношение к процессам глобализации, подчеркнув, что при определенной стратегии она может и должна носить положительный характер.

Добивались успеха социал-демократы и в отдельных странах. В 80-е годы в большинстве стран Европейского Сообщества они находились у власти или входили в правящую коалицию. Социал-демократическая идентичность не ставилась под сомнение. Примерно в это время (1983) виднейший теоретик европейского либерализма Ральф Дарендорф говорил, что в Европе XX век по своей сути был социал-демократическим¹⁰, что нашло свое отражение в функционировании социального государства.

Ситуация начала меняться где-то на рубеже 90-х годов. В это время произошли «бархатные революции» в ряде стран Восточной Европы, объединилась Германия, распался Советский Союз, ушло в прошлое блоковое противостояние.

Одно из последствий всех этих процессов – нарастающая критика в адрес самого понятия «социализм» в одних случаях, и стремление как бы не подчеркивать приверженность социалистическим идеалам, в других.

Мы, в ИНИОНе, обратили на это внимание, когда в самом начале 90-х годов (1993) перевели на русский язык краткий учебник по социал-демократии, написанный одним из ведущих теоретиков СДПГ Томасом Майером¹¹. Несколько необычным был заголовок книги «Демократический социализм – социальная демократия. Введение». Когда мы поинтересовались, почему такое как бы двойное название, от автора книги Т. Майера последовало разъяснение – речь идет об одном и том же. И демократический социализм и социальная демократия подразумевают реализацию демократическими методами и в условиях демократии основных ценностей социал-демократии – свободы, справедливости, солидарности.

Однако с точки зрения идентичности социал-демократии в восприятии человека, не посвященного в теоретические тонкости, такое раздвоение в объяснении сути того, к чему стремится социал-демократическое движение, вызывает определенные трудности. Если попростому, то вопрос далекого от политики человека, обращенный к представителю социал-демократической партии, может выглядеть так: «Так вы за социализм, в конце концов, или как?»

Такой вопрос сегодня уже не может быть задан представителю партии австрийских социал-демократов, кстати, одной из старейших в Европе и известной своими

¹⁰ K. Dahrendorf. Die Chancen der Krise: Über die Zukunft des Liberalismus. – Stuttgart, 1983. – 240 S.

¹¹ Томас Майер. Демократический социализм – социальная демократия: Введение. – М.: Республика, 1993. – 173 с.

оригинальными теоретическими подходами, к примеру, разработкой теории австромарксизма. Так вот, эта партия, которая в момент своего становления называла себя социал-демократической, после Второй мировой войны переименовала название – стала Социалистической, а в последнее время вернулась к прежнему названию – Социал-демократическая. В своей последней программе (1998)¹² социализм вообще не упомянут. В первом разделе, озаглавленном «Новые вызовы – новые подходы к решению проблем» записано: «Мы, социал-демократки и социал-демократы, чувствуем себя связанными с идеалами гуманного, демократического и справедливого общества». Что это за идеалы? «Мы стремимся к обществу, в котором преодолены классовые противоречия, в котором проблемы мирно решаются, и в котором человеческие личности могут развивать свои способности, будучи освобожденными от страха и нужды»¹³.

В каком-то смысле это косвенная переключка с известным положением «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

В программе рассматриваются основные ценности социал-демократов, и наряду с ценностью «справедливость» упомянута ценность «равенство», чего, кстати, нет в программе германских социал-демократов. И здесь снова повторяется вывод: австрийские социал-демократы «стремятся к обществу, в котором может развиться себя человеческая личность»¹⁴. Полагаю, что многие современные либералы вполне могли бы согласиться с таким выводом.

Но дело ведь не только в терминах, но прежде всего в их содержании. В программе германских социал-демократов, принятой в 2007 г. на съезде в Гамбурге, теме демократического социализма посвящен небольшой раздел. Посмотрим, как в СДПГ сегодня рассматривается сущность социализма: «Наша история отмечена воздействием идеи демократического социализма – общества свободных и равных, в котором осуществляются наши основные ценности. Эта идея требует такого экономического, государственного и общественного строя, в котором для всех людей гарантированы основные гражданские, политические, социальные и экономические права, и все люди могут вести жизнь без эксплуатации, угнетения и насилия, т.е. в условиях социальной и человеческой безопасности»¹⁵.

Но как отнестись к тому опыту социалистического строительства, который осуществлялся в СССР и ряде других стран и который чисто словесно переключается с тезисами Гамбургской программы? Разъяснение в Гамбургской программе: «Конец государственного социализма советского типа не опроверг идеи демократического социализма, а наглядным образом подтвердил ориентацию социал-демократии на основные ценности. Демократический социализм остается для неё представлением о свободном, справедливом, солидарном обществе, осуществление которого является для нас основной задачей»¹⁶.

Последний абзац как бы повторяет позицию в данном вопросе Годесбергской программы 1959 г. Но как быть с демократическим социализмом как с конкретным общественным

¹² SPÖ. Das Grundsatzprogramm. – Wien, 1998. См.: <http://www.spoe.at>.

¹³ Указ. соч. – С. 2.

¹⁴ Указ. соч. – С. 3.

¹⁵ Hamburger Programm. Das Grundsatzprogramm der SPD. Beschlossen am 28. Oktober 2007 auf dem Parteitag in Hamburg // Extra Vorwärts. – 2007. – November. – S. 5.

¹⁶ Указ. соч. – С. 5.

строим, упомянутом в первом абзаце? К примеру, со свободным использованием экономических прав при этом строе? Может ли человек обладать частной собственностью? И вступить в рыночные отношения с другими владельцами частной собственности? И можно ли рассматривать использование наемного труда на частных предприятиях как эксплуатацию? Все эти вопросы сводятся к главному: может ли быть экономическая система при социализме более эффективной, чем рыночная? Пока что убедительного ответа на этот коренной вопрос не существует. Как правило, все сводится к критике недостатков «турбулентного капитализма», кстати, вполне оправданной. Но нет ответа, чем он может быть принципиально изменен.

Если судить по дискуссии в СДПГ, проходившей перед принятием Гамбургской программы, то обсуждению проблемы демократического социализма уделялось мало внимания. Как представляется, небольшой раздел, посвященный этой теме, помещен по требованию представителей левого крыла в этой партии, особенно её молодежной организации, которая, заметим, носит название не «молодые социал-демократы», а «молодые социалисты в СДПГ». Уже эта разница в названиях партии и её молодежной организации – еще одно указание на сложность осмысления идентичности даже в рамках одной партии.

В этом – одна из главных причин, по которым Оскар Лафонтен покинул пост председателя партии, удалился в свой родной Саарбрюккен, сначала написал книжку с многозначительным названием «Сердце бьется слева»¹⁷, а потом принялся за создание партии, дав ей название Левая и обозначив в её уставных документах социализм как главную цель деятельности¹⁸.

Между тем, партия, которую покинул Лафонтен, продолжала вырабатывать свои подходы к существующим проблемам сначала в роли правящей партии, затем младшего партнера по Большой коалиции, оставаясь при этом в рамках главного ориентира и главного принципа деятельности, именуемого «социальной демократией».

Но просто ограничиваться ориентацией на социальную демократию не могли, в первую очередь, руководители партий, которые прорвали многолетнее и, казалось, вечное властвование консервативных партий как в Великобритании (18 лет), так и в Германии (16 лет). И Герхард Шрёдер и Тони Блэр смогли добиться успеха на выборах, и именно они поставили вопрос о новой стратегии своих партий, о провозглашении новых ориентиров, находящих поддержку у новых социальных групп, именуемых обобщенно «средними слоями» или «новой серединой». Результатом их деятельности и близкого окружения стал документ «Третий путь – Новая середина», опубликованный в Лондоне¹⁹.

Вообще-то идея «Третьего пути» в социал-демократии не новая. В 20-е годы прошлого века были распространены суждения о «Третьем пути» социал-демократии между советским коммунизмом и западным капитализмом. В документе Шрёдера-Блэра суть их подхода изложена в следующем абзаце: «Нам приходится приводить нашу политику в новых, соответствующих сегодняшнему состоянию экономических условиях, при которых государство всеми силами способствует развитию сил экономики, но не считает, что может

¹⁷ O. Lafontaine. Das Herz schlägt links. – München: Econ – Verl., 1999. – 316 S.

¹⁸ Programmatichesches Gründungsdokument der Partei DIE LINKE. Programmatische Eckpunkte. Beschluss der Parteitage von WASG und Linkspartei. PDS. am 24. und 25. März 2007 in Dortmund.

¹⁹ T. Blair, G. Schröder. Europe: The Third Way – Die neue Mitte. – L., 1999. – 9 p. – In recto.

их заменить. Политика должна улучшить регулирующую функцию рынков, но не мешать их деятельности. Мы поддерживаем рыночную экономику, а не рыночное общество»²⁰.

Примечательно, что ни инициативу Блэра, названную «новым лейборизмом», ни инициативу Шрёдера не поддержали в их собственных партиях, что свидетельствовало о наличии кризисной ситуации между руководством и партийной базой. Однако волны критики захлестнули и другие партии. Это признал в предисловии к русскому изданию «Трансформация социал-демократии. Партии на пути в XXI век» Томас Майер. Он писал, в частности: «Судя по состоянию дискуссии на конец столетия, между отдельными социал-демократическими партиями выявились существенные различия в акцентах при их попытках найти новые ответы на проблемы, которые формулируются преимущественно в согласии этих партий друг с другом. В этом одна из причин, по которым «Третий путь», отождествляемый многими с позицией британской Лейбористской партии, не нашел общего признания в других партиях и в Социалистическом Интернационале»²¹.

Как-то поправить положение попытался английский теоретик Энтони Гидденс. В Берлине в доме Вилли Брандта он выступил (26 апреля 2001 г.) с докладом «Социальная справедливость в программной дискуссии европейской социал-демократии». Его исходная позиция: с помощью устаревших политических подходов удовлетворить требование социальной справедливости в период фундаментальных перемен затруднительно. В современных обществах необходим новый левоцентристский консенсус²².

Но и такая аргументация не нашла широкой поддержки. Вынудили уйти с поста председателя партии Тони Блэра. После поражения на выборах в Бундестаг в 2005 году вышел из игры Шрёдер, подключившись со временем к деятельности в рамках коммерческой структуры «Северный поток», что не прибавило ему авторитета в рамках собственной партии.

А дальше – череда поражений на выборах – местных, национальных, европейских. В момент нагрянувшего мирового кризиса влиятельного голоса европейских социал-демократов почти не было слышно. И это притом, что для решения кризисных проблем использовались методы, наработанные именно социал-демократами. Мало кто догадывался о существовании партии европейских социал-демократов, которую, кстати, одни формально в документах называют Европейской социалистической партией, а другие – Социал-демократической, что также указывает на разноречивую в социал-демократической идентичности.

Не слышно влиятельного голоса Социалистического Интернационала. В своих документах он склонен просматривать происходящие в мире события преимущественно с позиций членов партий Латинской Америки, партий других развивающихся стран. Вспомним, что в свое время Вилли Брандт настаивал на расширении состава Социинтерна за счет партий из этих стран. Он активно поддерживал инициативу о регулярном выделении из ВВП промышленно развитых стран определенной доли в помощь развивающимся странам. Но любое благое намерение проверяется многолетней практикой. Конкретный пример.

²⁰ T. Blair, G. Schröder. Europe: The Third Way – Die neue Mitte. – L., 1999. – 9 p. – In recto.

²¹ Томас Майер. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – С. 269.

²² A. Giddens. Soziale Gerechtigkeit in der Programmdebatte der europäischen Sozialdemokratie. – <http://www/spd.de/events/grundwerte/giddens/html>.

Выделяемая помощь во многих развивающихся странах, как правило, не идет на формирование собственной жизнеспособной инфраструктуры, дающей населению занятие, образование, культуру. Вместе с тем такая помощь позволяет населению существовать по минимуму и рожать большое количество детей. Куда эти дети, повзрослев, направляются, не найдя применения у себя дома? Конечно, в ту же Европу.

Вот динамика роста населения стран Ближнего Востока и Северной Африки. 1950 г. – 78,6 млн.; начало XXI века – 307 млн.; 2010 г. – 376,2 млн.; прогноз на 2050 г. – 656,3 млн.²³

Из этого обстоятельства вытекает как продолжение другая проблема – мало того, что число иммигрантов в странах Европы стремительно возрастает. Как отмечают эксперты, в новых для себя странах они консервируют внутри себя религию, культуру, права и обычаи своей родины. Более того, именно из второго, третьего поколения иммигрантов появляются группы радикальных террористов. Социал-демократы, словно не замечая всего этого, продолжают настаивать на принципе многокультурности, полагая, что произойдет взаимное обогащение разных культур. Но этого не происходит, и по-своему на реальную ситуацию реагируют праворадикальные, экстремистские группировки. Более того, они уже представлены в Европарламенте.

Не ясно ли, что с учетом всех этих обстоятельств нужны принципиально новые подходы и к осмыслению политики помощи развивающимся странам, и к взаимоотношениям между иммигрантами и коренным населением в странах Европы. На повестке дня нестандартное, не отягощенное старыми догмами видение происходящего, которое и будет определять новую идентичность социал-демократии.

Что думают обо всем этом сами социал-демократы? Обратимся к журналу австрийских социал-демократов «Zukunft», одно название которого («Будущее») обязывает пристально вглядываться в это будущее. В первом номере этого журнала за 2009 г. помещена статья главного редактора Людвиг Дворак, которая написана как раз в таком ключе. Называется она «Последующие 120 лет»²⁴. Почему 120? Дворак отталкивается от события, происшедшего 120 лет назад: австрийские социал-демократы в местечке Хайнфельд, что в Нижней Австрии, приняли свою программу принципов. Она нашла отклик в других партиях, которые несколько месяцев спустя собрались 14 июля 1889 г. в Париже и создали свою международную организацию, назвав её Вторым Интернационалом. Оглядываясь назад, Дворак приходит к следующему выводу: «За последние два с половиной десятилетия социал-демократия в значительной степени утратила свою общественную гегемонию»²⁵. И в другом месте: «Не только в Австрии социал-демократия показывает отрицательные рекорды по результатам выборов. За последние годы не только здесь (в Австрии) она далеко не восторгает людей своей правительственной деятельностью»²⁶.

В чем суть дела? Социал-демократам и профсоюзам в свое время удавалось политическое и общественное видение (*Vision*) увязывать с конкретной политикой. Вот и теперь мероприятия, которые они стараются провести, должны способствовать конкретному улучшению жизни людей, но одновременно быть частью проекта формирования общества,

²³ Е.М. Савичева. Арабская иммиграция в Европу: этно-конфессиональный аспект. В: Европа после кризиса: материалы конф. (Ин-т Европы РАН. 17 июня 2009 г.). – М.: Ин-т Европы РАН. С. 40.

²⁴ Ludwig Dvorak. Die nächsten 120 Jahre // Zukunft, Wien, 2009, N 1. – SS. 6-7.

²⁵ Указ. соч. – С. 5.

²⁶ Указ. соч. – С. 6.

гуманизации нашей планеты. Дворак приводит высказывание Жана Жореса: надо сохранять не пепел, а пламя.

Оглядываясь назад, Дворак напоминает, что в Венской программе 1958 г. говорилось о социалистическом экономическом планировании на пути к демократическому социализму. Но вот в программе 1978 г. успехи государства благосостояния уже увязывались с видением всеохватывающей «социальной демократии». Чем вызвана такая перемена, Дворак не поясняет.

Сегодня, констатирует главный редактор журнала «Zukunft», социал-демократии трудно назвать видение, которым они руководствуются в своей повседневной деятельности. И это не случайно. Когда в конце 90-х годов лозунг «Третьего пути» рекомендовался как «новое» программное направление, обнаружилось, что следование именно такой программатике приводит к неразрешимому противоречию с собственными сторонниками. В результате все завершилось кризисом, в котором продолжает сегодня находиться европейская социал-демократия.

Но что в такой ситуации делать? Вот вывод Дворака: «Сила социал-демократии в последние 120 лет, вне сомнения, заключалась в том, что значительную часть этого времени она последовательно действовала в интересах преобладающего числа людей. Взгляд в историю показывает, что также и в будущем её задача состоит в том, чтобы снова обрести эту роль»²⁷.

В номере журнала «Zukunft» уже за ноябрь 2009 г. помещена статья Франца Штайндлера «Выходы из социал-демократического кризиса»²⁸. Однако в своей статье автор дает традиционные советы: оздоровить обстановку в партии, улучшить обратную связь с обществом. Проблемы, которые волнуют любую партию. Принципиально новые подходы к социал-демократической идентичности у Штайндлера не прослеживаются.

Так думают в журнале австрийской социал-демократии. Обратимся теперь к журналу германской социал-демократии с тоже многозначительным названием «Neue Gesellschaft» – «Новое общество», которым в настоящее время руководит Томас Майер. Вполне понятно, что в СДПГ крайне озабочены результатами выборов в Бундестаг 27 сентября 2009 г. Этой проблеме посвящен ноябрьский номер журнала (№ 11) за 2009 г. Тема обозначена на титульной обложке предельно кратко: «СДПГ – куда?»

Но разговор идет не только о германской, а – более широко – о судьбах европейской социал-демократии. Причем разговор предельно критический. Употребляются такие выражения, как «европейская катастрофа», «СДПГ на краю пропасти». Статья о социалистических партиях названа: «Левые реформаторы во Франции и Италии – якобы мертвые или уже мертвые?»²⁹ Статья о голландских социал-демократах названа еще резче: «Покончить с красным убожеством»³⁰.

В разговоре на страницах журнала приняли участие в основном ученые, высказывающие разные точки зрения, представители различных фондов. Одна из таких точек зрения –

²⁷ Указ. соч. – С. 7.

²⁸ Franz Steindler. Auswege aus der sozialdemokratischen Krise // Zukunft, 2009, N 11. – SS. 28-30.

²⁹ Karin Priester. Reformpolitik in Frankreich und Italien – scheintot oder schon tot? // Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte, Bonn, 2009, N 11. – S. 27-330.

³⁰ Frans Becker / René Cuperus. Schluss mit der roten Misere. Die niederländische Erfahrung als Negativfolie // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte, Bonn, 2009, N 11. – SS. 23-26.

необходим визионерский прагматизм. То есть сторонники социал-демократии должны иметь представление о неких воодушевляющих идеях, сочетая это с решением конкретных практических задач. Какие это идеи? В статье Клауса Харпрехта с красноречивым названием «СДПГ Вилли Брандта – существует ли еще она?» речь идет о европейской модели социального, экологического и демократического капитализма³¹. Социализм как таковой вообще ни в одной из статей не упомянут. Даже представитель Фонда Розы Люксембург, поставив вопрос о «необходимости новых отношений власти и собственности путем социализации инвестиционных функций»³² не посчитал нужным отметить, что это требование находится в русле социалистических преобразований.

Основной разговор вращался вокруг социальной базы, так называемой Середины, и речь шла о том, какие причины толкают представителей этой социальной группы в сторону левой или консервативной ориентации, и как привлечь её на сторону социал-демократии. Томас Майер в своей статье повторил уже не раз высказываемую им мысль о необходимости союза Левой середины и нижних социальных слоев как перспективной базы социал-демократии.

Лично мне представляется заслуживающим особого внимания соображения Т. Майера о том, что на протяжении многих лет в общественном мнении социал-демократия представила как **социальная совесть общества**. Исходили из того, что при всех обстоятельствах в этом движении есть люди, которые постоянно озабочены социальными проблемами. Шаги социал-демократов, направленные на модернизацию общества, включая и пересмотр сложившихся установок социального государства, вызвали среди населения опасения, что теперь на эту партию рассчитывать вряд ли приходится. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что наблюдалось некоторое сближение социальной политики социал-демократических и консервативных партий.

В 2009 г. исполнилось 50 лет со дня принятия Годесбергской программы 1959 г. Статья Т. Майера так и называется: «50 лет Годесберга: куда же теперь СДПГ?»³³. Однако кроме упоминания о том, что в Годесбергской программе СДПГ объявила себя народной партией, другие теоретические аспекты Годесберга, крайне актуальные сегодня, в статье не рассматриваются.

В целом читатель, ознакомившись со статьями в журнале «Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte» так и не мог составить для себя мнение, каким же видением, какими вдохновляющими идеями надлежит руководствоваться социал-демократии, если она намерена сохранить свою неповторимую идентичность.

Разговор о судьбах социал-демократии развернулся и в Интернете. Фонд имени Фридриха Эберта совместно с Социальным европейским журналом (Social Europe Journal) и британской организацией Think-Tank Compass начал дискуссию на тему «Хорошее общество». Такого рода дискуссия впервые проводится в европейских масштабах. Предполагается, что в ней примет участие свыше 70 ведущих ученых, политиков и активных деятелей партий³⁴.

³¹ Klaus Harpprecht. Die SPO Willy Brandts – Gibt es sie noch? // Ibid. – SS. 12-14.

³² Michael Brie. Linke Mehrheiten gibt es nicht. Sie müssen geschaffen werden! // Ibid. – S. 46.

³³ Thomas Meyer. 50 Jahre Godesberg: Wohin nun SPD? // Ibid. S. 51-54.

³⁴ См.: <http://222.goodsociety>. Social-europe/eu.

Само обозначение темы «Хорошее общество» не имеет идеологической окраски. Любое политическое движение заверяет своих сторонников, что именно оно стремится к самому хорошему обществу. В СССР тоже строили «хорошее коммунистическое общество». По первым комментариям в Интернете пока что рано судить, в каком направлении развернется дискуссия. В любом случае представляется целесообразным, с точки зрения определения новой идентичности социал-демократии, рассмотреть несколько главных вопросов.

В 1978 г. Фонд имени Фридриха Эберта опубликовал сборник программ германской социал-демократии. Краткое предисловие написал Вилли Брандт. В нем он заметил, что почти все прошедшее время СДПГ «теоретизировала по Каутскому, а реально действовала по Бернштейну»³⁵. И только с принятием Годесбергской программы 1959 г. дела и теоретические слова партии стали совпадать. Принципиально важно, чтобы и сегодня «новые Бернштейны» смогли бы преодолеть сложившиеся идеологические догматы и предложить стратегию, трезво оценивающую всю совокупность все более осложняющихся проблем. Теоретические поиски Блэра и Шрёдера в партиях не приняли. Но ведь это были серьезные попытки разобраться в новой сложной реальности. Кто следующий?

В начале разразившегося первого мирового кризиса в конце 20-х и начале 30-х годов видный германский профсоюзный деятель Фриц Нафтали заметил, что в сложившейся ситуации социал-демократия играет роль «врача у постели больного капитализма». Советские пропагандисты ухватились за это высказывание и много лет подряд использовали его в поддержку утверждения, что, мол, социал-демократы своей деятельностью интегрированы в капитализм и тем самым предают интересы рабочего класса.

Сегодняшний мировой кризис поставил социал-демократов перед тем же вопросом: Намерена ли она и дальше «лечить» капитализм в его современном виде? Если да, то как. Если нет, то что предлагает реально взамен. Сторонники социал-демократии по любому из вариантов должны иметь убедительный ответ. Один из таких ответов содержится в брошюре «Хороший капитализм»³⁶.

Примечательно, что идея «хорошего капитализма» все больше занимает сторонников левоумеренной ориентации. В таком духе высказывается один из авторитетных мыслителей леволиберальной ориентации философ Юрген Хабермас. Кстати, с его представлениями на этот счет могли ознакомиться читатели «Новой газеты» в конце 2009-го года в интервью, которое так и озаглавлено: «Насущная политическая задача состоит в том, чтобы приручить капитализм»³⁷. Заметим, этим «приручением» социал-демократия занималась весь XX век. Так что мысль, высказанная Хабермасом, далеко не новая.

Что, в конце концов, должно вдохновлять социал-демократов? Какое «видение»? Перспектива социализма? Социальной демократии? «Третьего пути»? Какое «пламя воодушевления», прибегая к образу Жореса, должны определять поступки сторонников социал-демократии сегодня, включая её руководство? В чем смысл социал-

³⁵ Programme der deutschen Sozialdemokratie / Mit einem Vorwort von Willy Brandt. – Bonn, 1978. – 177 S.

³⁶ Sebastian Dullien, Hansjörg Hers, Christian Kellermann. Der gute Kapitalismus und was sich dafür nach der Krise ändern müsste. – Friedrich Ebert Stiftung, Berlin, Oktober 2009. – 8 S.

³⁷ Юрген Хабермас. Насущная политическая задача состоит в том, чтобы приручить капитализм // Новая газета, 2009, 14 декабря. – С. 15.

демократической солидарности? В рамках партии? В отношениях между партиями? На общемировом уровне? В рамках её международной организации?

Часто приводят высказывание Ральфа Дарендорфа относительно роли социал-демократии в XX века. Но обычно не цитируют продолжение высказывания, согласно которой социал-демократия, выполнив свою социальную роль в XX веке, в следующем веке сойдет со сцены, исчерпав свое предназначение. На это серьезное предостережение должны быть найдены серьезные ответы. В той или иной степени социальное государство стало ныне общим явлением. Как общими стали либеральнее принципы, которые разрабатывались еще в XIX веке.

Из анализа видно, что европейская социал-демократия переживает трудные, если не сказать критические времена. Но на моей памяти её хоронили неоднократно, а она все оживала и даже приходила к власти в большинстве стран Европы, о чем её предвзятые могильщики предпочитали помалкивать. Причина такой живучести – она отвечает потребностям общества. В условиях жестких реалий рыночной экономики социал-демократия брала на себя непростую роль – обеспечивать динамизм экономики и одновременно стараться решать возникающие социальные проблемы, создавать в обществе обстановку гуманной солидарности. В условиях нарастающей глобализации, прежде всего в области экономики, затрагивающей все мировое сообщество, выстраивать гармоничный баланс между экономической эффективностью и развитой социальной ответственностью становится все труднее. Здесь нужна и широкая поддержка снизу, и значительный приток в социал-демократическое движение интеллектуальных сил, способных предлагать решение уже на уровне экономической, социальной и экологической «высшей математики».

Как все будет обстоять на самом деле, покажет время. Но очевидно одно: мировое сообщество, оказавшись в обстановке нарастающей глобализации, нуждается именно в таком подходе. Стихийными демонстрациями со стучением ложками по пустым кастрюлькам тут не обойдешься. Необходимо соединение мощного интеллектуального потенциала с идеей, воодушевляющей и объединяющей широкие слои населения по всей планете. Точно также как жителей США воодушевляет «американская мечта», хотя никто толком не знает, что это такое, нужна некая «планетарная мечта». В свое время на эту роль претендовала социалистическая идея. Убедившись, как она претворялась в жизнь в странах бывшего Восточного блока, европейские социал-демократы фактически отказались от неё, не объявляя об этом официально. Что взамен? Вопрос открытый. Одним призывом к «хорошему капитализму» не обойтись.